
18+
ВЛАДИСЛАВ СОКОЛОВ
СМОЖЕТ ЛИ СЛОН СЪЕСТЬ МЫШЬ?

Владислав Соколов

Сможет ли слон съесть мышь?

«Издательские решения»

Соколов В.

Сможет ли слон съесть мышь? / В. Соколов — «Издательские решения»,

Вчерашний клерк ещё утром ехал в душной маршрутке на квартальный отчёт — а к вечеру прятался за мусорным баком, слушая, как хрустят чужие кости. Два века назад тайное общество решило, что человек обязан стать подобным богу. Единственное, что осталось герою, — огрызок карандаша, подземелье и страх, который он побеждает единственным способом: пишет. Если остановится — тишина победит.

© Соколов В.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1 И я тоже упал 6
Глава 2 Супергерои 13
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Сможет ли слон съесть мышь?

Владислав Соколов

© Владислав Соколов, 2026

ISBN 978-5-0071-6707-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Сможет ли слон съесть мышь?

ГЛАВА 1 И я тоже упал

И я тоже упал. Потому что не раздумывая.

Н Е Р А З Д У М Ы В А Я.

Как всегда пишут в книгах «я произнес это слово по буквам у себя в голове». Наверное, даже большими буквами. Крупными такими, даже жирными сальными буквами. Растянутыми на весь череп от виска до виска. Даже в собственной голове я издеваюсь.

Беее.

По коже пробежал морозец. Неприятный такой, липкий, как будто тебе сейчас, вот прямо сейчас будут брать кровь из пальца. Сидишь в душном кабинете поликлиники номер шесть, пахнет хлоркой, спиртом и чужим застарелым страхом, тетка в застиранном халате берет твою беззащитную руку, протирает ваткой и достает железное перо. Тык. Закапала кровушка в стеклянную палку. Никогда не понимал сего таинства, но важно, чтобы потом одна колоночка совпадала с другой, циферки в бланке сошлись и участковый терапевт удовлетворенно кивнул. Подумай об этом на досуге.

Я снова поставил галочку в голове, как будто теперь это что-то да значило. Ну может и значило, не пререкайся со старшими, это невежливо, сопли подотри и стой ровно.

Иногда кажется, что у меня «раздвоениеличности» и в моей голове есть еще кто-то. Сидит на закорках, свесив ножки в район мозжечка, и мерзко хихикает при каждой удобной возможности. Улыбаемся. Где-то между пельменями и очередной закачкой несусветной дури еще один зависимый от информации познал. Что он или она, чтобы быть политкорректным, познал — пока не понятно, но сам факт познания не может не радовать. Меня радует. И его, ну или опять же ее. Не будем перебирать все варианты, иначе будет слишком много «букафф».

По логике вещей, тут надо поставить смайлик. Двоеточие, скобочка. Или даже две скобочки, чтобы уж наверняка подчеркнуть глубину авторского оптимизма. Теперь, наверное, даже не потому, что в конце шутки надо поставить смайлик, а просто так текст становится привычным, понятным, домашним. Адаптация под запрос. А зачем мне читать непонятный текст? А не надо ничего читать. Вредно. Мозги запекутся, как куриная печень на сковородке без масла.

Я закрываю глаза на секунду и вижу тот вечер. Последний нормальный вечер. Тогда я еще не знал, что он последний.

Я привычно переслал страницу на телефон с ноутбука. Ну, тогда еще переслал, когда было что пересылать и куда. Сейчас пролистаю в ванне. Взял телефон в руку. Кнопочный, с маленьким экраном и вечно залипающей клавишей «вверх». Добавил несколько песен в плейлист и уже совсем отложил ноутбук в сторону на край раковины, где он опасно балансировал на влажном ободке. Хватит. Спать пора. Завтра же этот дурацкий отчет по сводным таблицам, который никто в отделе все равно открывать не будет. Ну, то есть еще ванна, пять минут перед сном и бай-бай. Книжку почитать, музыку послушать, в потолок поплевать.

Вставил в уши наушники. Проводные, белые, с вечно перекручивающимся на морозе шнуром, который возле самого штекера уже надломился и держался на честном слове и синей изоленте. Запустил только что собранный на ноутбуке плейлист. Сунул телефон в карман шорт. Умылся. Залез в ванну. Взял телефон.

Залезть в ванну, положив телефон на полку и не вынимая наушников — это фокус достойный Гудини. Правда-правда. Ситуация, отточенная годами долгих тренировок, акробатический этюд высшей категории сложности. Одно неверное движение мокрой пяткой — и твой драгоценный гаджет с визгом летит прямо в мыльную пену, навсегда унося в небытие гигабайты несохраненных переписок и коллекцию отборных мемов. Но я был мастером. Я мог

балансировать на скользком кафеле с грацией испуганного фламинго, удерживая провод подбородком и одновременно выравнивая струю горячей воды из крана.

Полазил в инете, посмотрел те ссылки, что кинул на работе и дома. Просмотрел новости, ленту блогов в ЖЖ, пару тредов на городском форуме, где местные интеллектуалы уже третьи сутки яростно выясняли, кто виноват в отсутствии горячей воды в третьем микрорайоне. Выключил телефон. Побрызгал на себя душем. Смыл с себя остатки рабочего дня, привкус растворимого кофе из автомата и пыль душного опенспейса. Вытерся полотенцем, жестким, как наждачная бумага. Включил телефон. Лег в кровать, блаженно вытянув гудящие ноги.

Открыл книгу, прочитал страниц двадцать. Между прочим, классика русской литературы. «Униженные и оскорбленные». Последнее, самое полное издание с комментариями автора и каких-то шибко замороченных товарищей. То ли друзей, то ли критиков. У этих литературоведов ничего не поймешь. Все пишут про то, что дерево зеленое и богатый внутренний мир дерева, который задумал автор. Мол, через увядающие ветви липы Федор Михайлович гениально показал тщету бытия мелкого чиновничества и духовный кризис самодержавия. А он, может, и не думал вовсе. А за деньги писал. Сроки горели, карточный долг висел, издатель стоял над душой и грозил долговой ямой. Про дерево больше покупали — вот и писал про дерево. Расписал липу на сорок страниц, получил свои серебряные рублики за печатный лист — и пошел пить чай с баранками. А эти комментируют, разбирают, кандидатские защищают.

Великийимогучий велик и могуч в оплодотворении всякого рода подтекстоискальщиков и авторопогружателей. В других языках все проще. Зис из э тейбл. Стол стоит, дерево растет, дождь идет. И никаких тебе внутренних миров этого самого тейбла, никакой трансцендентной тоски полированной дубовой столешницы.

А книжка понравилась. Да и нашел я такое супериздание с большим трудом, на форуме литературоведов, где-то в закрытой ветке для ценителей раритетов в формате fb2. Поэтому надо дочитать. Обязательно надо. Когда-нибудь потом, в следующей жизни.

Запустил аудиокнигу. Так, перед сном. Не люблю засыпать в тишине. Тишина давит на уши, в ней начинают ворочаться какие-то лишние мысли, вспоминаются глупые фразы, сказанные невпопад пять лет назад, и счета за коммуналку. Всегда или музыку слушаю, или, вот, книги. Под настроение. Чтобы монотонный голос диктора глушил темноту за окном.

Я открываю глаза. Темнота. Сырой, тяжелый воздух подземелья. Пахнет ржавчиной, плесенью и застоявшейся грунтовой водой. С потолка, где-то в углу, мерно капает вода. Кап. Кап. Кап. Каждый звук отдается в груди, как маленький удар.

Так странно. Я раньше никогда не писал.

Ну, то есть я могу написать письмо в социальных сетях, или в почте, или в аське. Все это могу, и все это может любой. Я раньше часто писал. Ну, точнее, печатал на клавиатуре. Там просто: нажимаешь на кнопки, легко так, пальцы порхают по пластмассовым квадратикам. Появляются буквы на экране. Монитор приятно светится в полумраке, клавиатура тихонько пощелкивает, как сверчок за печкой. Автоматически исправляются ошибки — красная волнистая линия подскажет, если ты промахнулся, умная машина сама подставит пропущенную букву, выровняет поля, сохранит черновик в облако.

А сейчас все не так.

Странные ощущения, когда ты пишешь вот так, на бумаге. Карандашом.

Настоящим огрызком простого карандаша «Конструктор», который я выменял у какого-то полубезумного старика на два коробка сырых спичек. Грифель крошится, царапает серую шероховатую поверхность, оставляет за собой неровный, тусклый след. Главное, я и сам не знаю, зачем я это пишу. Рука устала. Я так мало написал, всего пару страничек кривых каракулей, а уже болят пальцы. Суставы ломит, в запястье пульсирует мерзкая, ноющая тяжесть. Это сложно. Непривычно сложно для человека, который двадцать пять лет своей жизни только и делал, что кликал мышкой да тыкал большими пальцами в кнопочный телефон.

Все так изменилось за последние несколько лет. Будто кто-то взял наш уютный, понятный, немного душный мирок, перевернул его вверх дном, потряс хорошенько и со всего маха шмякнул об бетонный пол.

Вот, наверное, поэтому я решил писать. И еще, наверное, потому что мне страшно.

Последнее время мне всегда страшно. Это чувство поселилось где-то прямо под ребрами, свернулось там холодным, склизким клубком и просыпается раньше меня. Я просыпаюсь от собственного дыхания — слишком громкого в этой давящей тишине. Сажусь на корточки. Провожу рукой по стене: холодный, шершавый бетон, покрытый липким налетом. Пахнет землей, сыростью и еще чем-то кислым, гнилым. Если долго сидеть в темноте, начинаешь различать запахи как звуки.

До начала я ходил по утрам на работу, ругался в переполненной маршрутке с бабками и их тележками, пил безвкусный чай из пластикового стаканчика, улыбался людям, которым на меня было абсолютно плевать, как и мне на них. И мне, как и им, было не страшно. Я не знал. И никто не знал.

То есть нет, так нельзя сказать, что никто не знал. Это было бы слишком просто и удобно — свалить все на слепую случайность. Они знали. И много дней провели, пока это все планировали. Чертили схемы, сводили балансы, просчитывали человеческие потоки, тестировали алгоритмы на фокус-группах. А потом началось.

Но что-то пошло не так, скорее всего. Никакой план не выдерживает соприкосновения с реальностью, особенно если эта реальность состоит из миллионов живых, упрямых и бесконечно напуганных идиотов.

Я знал некоторых из них. Еще тогда, до. Они были (или есть, если остались в живых, хотя вряд ли, очень сомневаюсь) хорошими людьми. Мы даже дружили. Пили дешевое пиво на лавочках в парке, обсуждали новинки кино, спорили о видеокартах и сетевых протоколах, делились ссылками на смешные ролики с котиками. А потом они стали ставить перед выбором.

Не то чтобы выбор был сложный. Когда хочешь жить — скажешь что угодно, подпишешь любую бумажку, назовешь черное белым, а круглое квадратным, лишь бы тебе в затылок не вогнали пулю. За свой затылок немного страшно. У него нет запасных частей, он у меня один-единственный, доставшийся от мамы с папой.

Вот мне страшно. Поэтому я все еще тут.

Я просто нашел сейчас бумагу, настоящую белую бумагу, какой уже давно не видел среди этой бесконечной пыли и гари, и (ха-ха) карандаш. Двадцать первый век высоких технологий, нанотрубок и спутникового интернета — и карандаш! Я хочу написать о том, что было и как все это выглядело. С моей точки зрения, что ли. Сомневаюсь, что мои каракули смогут быть кому-то интересны. Кто я такой? Мелкий клерк из отдела технической поддержки, песчинка, мусор под ногами гигантов. Просто мне страшно, а это занятие помогает перебороть страх.

Я пишу — следовательно, я еще жив. Или как там древние греки говорили.

Кстати, грекам, наверное, было в разы проще. У них вселенная была устроена куда как логичнее и прозрачнее. Все же понятно: засуха — пошел к алтарю, заколол быка, вынул дымящуюся печень, сжег на углях с благовониями — принес жертву. И боги тебя любят, громовержец довольно поглаживает бороду, дождик поливает оливковые рощи, виноград зреет, жизнь прекрасна. Всегда есть понятный прейскурант: за здоровье — баран, за победу в войне — сотня отборных тельцов, за удачную торговлю — амфора масла.

А мы? У нас беда.

Хотя, как и любой человек, который живет по принципу «Дом-работа-дом-магазин-дом», я сказал бы тогда, что все начиналось совершенно неожиданно. Как кирпич с крыши в ясный майский день. Но все равно это была беда. Для меня, для него. Или нет. Для него могла быть не беда. Если он был из этих, или из тех. Смотря с какой стороны бросить камень.

Интересно, в человека легко бросить камень? Ну, так, со всей имеющейся силой, я бы сказал — с целью, что ли. Убить. Размозжить кость, услышать этот отвратительный хруст, увидеть, как жизнь вытекает через неаккуратную дыру. У них не было вопросов в момент начала. Рука не дрожала, прицел не сбивался. И, как мы все, оставшиеся, поняли уже потом, они не собирались задавать никакие вопросы нам. Никаких допросов, никаких попыток переубедить. Просто расчистка территории под новый фундамент.

Я много говорю, да? Мысли путаются, цепляются одна за другую, как прошлогодний репейник за штанину. Если кто-то будет читать мои записи, может быть, много лет спустя, когда все происходящее сейчас уже станет сказкой, дурной легендой или совсем забудется, этого «кто-то» наверняка заволнует простой и наивный вопрос: «А что же было в начале?»

Вначале было слово. Так начинается не одна священная история. Но для всего, что случилось с нами, именно эта затертая до дыр фраза носила абсолютно ключевой характер. Теперь, когда я начал немного разбираться в происходящем, да и развешенные повсюду листовки и полусорванные ветром плакаты на руинах не позволяют забыть об этом. В начале было слово. Ну, даже предложение.

Какое? Я могу подойти к щели в заваленном проеме, которая заменяет мне окно, выглянуть в узкую полоску между досками и увидеть это слово. Оно везде. Выведено масляной краской на обломках заборов, выжжено на железе сгоревших автобусов, выцарапано гвоздем на штукатурке. Некоторые несчастные пишут его на стенах и дверях своих домов. Наивно надеются, что это послужит оберегом, знаком лояльности. Чтобы отвести чужие глаза. Не срабатывает, если быть честным. Никогда не срабатывало. Патрули не умеют читать с сочувствием, они умеют только сверять списки.

Я помню, еще до начала, вечером, меня занесло на их сайт. В интернете, если кто-то еще вообще понимает, о чем я говорю, если само это слово не стерлось из памяти тех, кто останется после нас. Тогда я и не предполагал, что это важно. Ну, сайт и сайт, мало ли на просторах Сети всякой шизотерики, сектантских страничек на бесплатном хостинге и манифестов непризнанных мессий с тремя классами образования. Теперь поздно предполагать.

Зато я помню. Отчетливо помню фразу на стартовой странице. Она потом всплыла в моей голове в тот самый момент, когда… В общем, когда все рухнуло. Наверное, именно это спасло мне жизнь. Ну, или то, что от нее осталось, если это жалкое дрожащее существование в темноте вообще можно назвать жизнью.

«Если Господь создал Человека по своему образу, то Человек обязан стремится стать его подобием, используя все доступные средства. Андрей Чернов. Основатель церкви нового пути. 1812 год.»

Да. Именно так все и началось.

Я помнил еще со времен школы, с тех полузабытых уроков истории, где мы плевали жеваной бумагой через трубочки от шариковых ручек, что в 1812 году были какие-то декабристы или война. Или все вместе. Наполеон, пожар Москвы, Кутузов, Бородино, гусары, шампанское. Суть в том, что жители Российской Империи массово побывали за границей, дошли до самого Парижа, посмотрели, как там живут цивилизованные люди. Чему-то научились. Нахватались вольнодумства, масонских тайн, круассанов попробовали.

Именно там какой-то мелкий дворянин средней руки Андрей Чернов нахватался идей о том, что человек должен стать богом. Не просто верить, не просто молиться по воскресеньям и поститься, а буквально, физически занять пустующий престол. То ли книжку какую привез из полуразграбленного парижского аббатства, то ли подружился с кем-то из тамошних тайных оккультистов, практиковавших за закрытыми ставнями странные вещи.

Сейчас уже не понятно, может потом какие-нибудь дотошные историки разберутся, если они вообще выживут и сохранят способность складывать буквы в слова. Они любят разбираться в чужих гробах.

Просто книжка попала на благодатную почву. Она, как популярно было говорить еще несколько месяцев назад в наших уютных офисах, «выстрелила». Насколько я могу понимать ситуацию, в то время всякие тайные общества, мистические ложи и розенкрейцеровские заговоры были в абсолютном топе развлечений для скучающей аристократии. Балы, карты, дуэли и тайные мессы при свечах. Поэтому Чернов быстро создал свое общество. Там он пропагандировал свои идеи среди тех, у кого водились лишние золотые червонцы. Набирал сторонников, что ли. Секта какая-то элитарная.

Только ему сказочно повезло. Тогдашний царь… То ли Александр, то ли Николай, они в то время все одинаково звались и одинаково носили бакенбарды. Тогдашний царь тоже проникся идеей, что человек должен. Именно «должен», это краеугольный камень, самое важное: обязан стремиться стать подобным богу. То есть личные желания, сомнения, жалость и все такое прочее никакой роли не играют. Это не право, это долг. Это великая историческая и метафизическая задача, которую человек обязан решить любой ценой. И если ты ее не решил, если остался просто двуногим куском мяса, то жизнь твоя прошла абсолютно зря, ты биомусор, шлак, удобрение для высших форм.

Царь, по слухам, даже престол бросил, инсценировал собственную смерть и пошел искать тайные пути в сибирские скиты. Правда, перед этим финансово мощно поддержал Чернова и его верных друзей, выделив из казны такие суммы, на которые можно было построить три броненосных флота. Они искали путь через оккультизм, высшую магию, алхимию. Проводили какие-то чудовищные обряды в подвалах старых усадеб. Привозили шаманов из глухой тайги, тибетских монахов, восточных знахарей. В общем, вваливали в это сомнительное предприятие нехилые деньги. Скупали все, что только могло хоть боком относиться к делу: древние пергаменты, арабские трактаты по демонологии, индийские манускрипты на пальмовых листьях.

Когда кто-то из придворных мистиков сказал, что один из путей трансформации зашифрован в великих произведениях искусства — стали скупать картины эпохи Возрождения, предметы античной древности, египетские саркофаги. Потом из всего этого награбленного добра целый закрытый музей соорудили под Петербургом.

Общество было строго тайным. В него вступали только самые избранные: министры, генералы, князья с родословными от Рюрика. Учение Чернова никогда не претендовало на роль массовой религии. Тогда не претендовало. Зачем делиться бессмертием с мужиками в лаптях?

По слухам членов организации, Царю и Чернову в какой-то момент действительно удалось найти прорыв, нащупать нужную частоту и уйти за грань. Хлоп — и растворились в воздухе, оставив после себя лишь запах озона и горстку пепла. Что, естественно, со страшной силой подхлестнуло остальных. Все захотели так же. Но вроде как больше никому повторить фокус не удалось. Видимо, оригинал тайного знания и полная информация о способе, утащенная из Европы, была только у самого Чернова. А царя он просто за компанию прихватил, в качестве благодарности за безлимитное финансирование. Больше никто не смог.

Потом ложу возглавляли всякие усатые дядьки с эполетами и холодными рыбьими глазами. Даже вроде одна женщина была, какая-то польская графиня с садистскими наклонностями. Они продолжали зарабатывать гигантские деньги на торговле хлебом, пушниной и золотом, и тратили их на Путь. На закрытые лаборатории, на подкуп чиновников, на масштабные манипуляции в большой политике и мировой экономике.

Организация знатно разрослась за два века. Расползлась щупальцами по всему миру, пустила корни в банковские системы, в научные институты, в спецслужбы. Были разные уровни посвящения, строгие допуски к информации. Но все послушники фанатично верили в одно-единственное: человек должен. И занимались этим денно и нощно.

Подробностей я, понятное дело, не помню. Да и кто бы мне их дал в открытом доступе?

Какая прикольная сказка. Подумал я. Когда читал сайт тем далеким, беззаботным вечером, попивая остывший чай с лимоном.

Теперь не думаю.

Я вообще стараюсь поменьше думать. Мысли — опасная штука, они имеют свойство фонить, излучать невидимые волны в пространство. Вдруг они смогут заметить мои мысли? Вдруг у них уже есть приборы, улавливающие колебания коры головного мозга сквозь трехметровую толщу железобетона? Вдруг моя голова — это просто открытая книга для них?

Грубо говоря, вся эта разношерстная братия десятилетиями занималась поиском своего персонального божественного пути. Проводили бесчеловечные эксперименты на людях в закрытых шарашках. На животных. Они же, если верить тем отрывочным статьям, первыми отправили человека в космос — вовсе не ради победы социализма над капитализмом, а чтобы проверить, как ведет себя сознание за пределами земной атмосферы. На Луну летали за тем же самым. И даже, кажется, на ряд других планет автоматические зонды с биологическими образцами засылали. Но это уже совсем секретно, гриф «перед прочтением сжечь вместе с читающим».

Они развивались. Они менялись. Они меняли себя с помощью скальпелей и генной инженерии, меняли своих детей, накачивая их эмбрионы экспериментальными сыворотками, меняли чужих детей из детских домов. Детей детей. И детей детей детей. Выводили породу сверхлюдей, шаг за шагом, поколение за поколением.

И раз…

А потом случилось то, что случилось. Они что-то не поделили. Или, наоборот, поделили слишком радикально. Типа сферы влияния, ресурсы планеты или само понимание того, как именно человек должен уподобиться Создателю. Взгляды разошлись. Мысли материализовались в пули и лазерные лучи.

Короче говоря, их стало трое. Три непримиримые силы.

Три — абсолютно неожиданное число, да? Всегда в сказках и трагедиях было три. Три богатыря, три сестры, три искушения, три стороны у треугольника. Везде три. И тут образовалось три.

Сначала они стали преследовать друг друга, устраивать тайные ликвидации, взрывать секретные бункеры конкурентов. Но потом, кажется, поняли, что это бессмысленно и ведет к взаимному гарантированному уничтожению. Ведь каждый из трех уже обладал чудовищной силой. Силой, превосходящей возможности любого нормального, обычного человека во много сотен раз.

Меня, например. Или моего соседа по лестничной клетке дядю Толю, вечно пьяного сантехника. Или ту симпатичную тоненькую девочку с параллельной улицы, которая по утрам выгуливала смешного рыжего спаниеля. Или с перпендикулярной. Никогда не был силен в геометрии нашего спального района.

Я отложил карандаш на пару часов. Съел черствый сухарь, размоченный в мутной воде из канистры. Посидел в темноте, прислушиваясь к каплям. Потом вернулся. Перечитал то, что написал утром.

Ничего не понятно.

Ну, то есть мне-то понятно все. Я сижу внутри этой мясорубки, я в самом центре событий происходящего кошмара. Я вынужден сидеть в этой сырой каменной норе и прятаться от всех трех. Я нужен им. Им все нужны. Каждое живое тело, каждый уцелевший мозг идет в дело, на запчасти или в топку их безумных идей.

Но интересное чувство надежды позволяет мне наивно думать, что мою корявую писанину еще кто-то увидит. Может быть, не сейчас. Может, много лет спустя. Когда все это закончится. Или не закончится никогда. Тут просто не стереть, это же не компьютер, не текстовый редактор, где можно нажать клавишу Delete. Бумага. А черкать не хочу, страница превратится в сплошную грязь. Не хватит карандаша. Его совсем немного осталось, крошечный огрызок, который едва удается удерживать тремя сведенными судорогой пальцами.

Собственно. Их стало три. Самых первых, самых страшных мы сразу увидели.

Мы, другие. Ну, точнее, мы, тогда еще обычные, самодовольные люди, которым казалось, что их-то как раз больше всего на свете, что за нами закон, армия, полиция, конституция, и мы, если что, всех быстренько победим, наведем конституционный порядок и вернемся к просмотру сериалов под пивко.

Ага.

Привет вам. Победили. Сами от себя не ожидали такой прыти. У нас не было ни единого шанса. Мы были как слепые котята против стаи дрессированных бультерьеров.

Какая прикольная сказка. Подумал я. Когда читал сайт.

Теперь не думаю.

Я сижу на холодном, крошащемся бетоне. Стены покрыты пятнами черной плесени, пахнет застоявшейся грунтовой водой, ржавчиной и невыносимой, могильной сыростью. Воздух здесь тяжелый, спертый, каждый вдох дается с легким свистом в легких. Из вентиляционной шахты, уходящей куда-то наверх, в заваленные руинами верхние уровни, тянет промозглым холодом. В углу, возле ржавой железной бочки, валяется старая газета, превратившаяся в труху. На стене — чей-то старый рисунок, нацарапанный гвоздем: силуэт человечка, перечеркнутый крестом.

Шорох.

Я замираю. Рука с зажатым карандашом каменеет в воздухе прямо над полупустой страницей.

Дыхание перехватывает. Сердце делает мощный, гулкий толчок куда-то в основание горла и начинает молотить как бешеное: тук-тук-тук-тук. Звук отдается в ушах так громко, что мне кажется — его слышно на весь этот проклятый коридор.

Там, в темноте, за ржавой гермодверью, что-то скребется.

Мелкий, сухой, методичный звук. Скрип металла о камень. Крыса? Обычная, живая, серая тварь, ищущая объедки? Или что-то из их микроскопических датчиков-пауков, методично сканирующих каждый кубический сантиметр подземных коммуникаций? Или кто-то другой? Кто-то с тяжелыми шагами и светящимися красными линзами вместо зрачков?

Я сижу не шевелясь. Мышцы затекли, спину ломит, но я боюсь даже моргнуть. Капли холодного пота медленно сползают со лба по виску, доходят до щеки, щекочут кожу. Нельзя вытирать. Любое движение — смерть.

Секунда. Две. Десять.

Звук затихает. Шорох удаляется, шуршит осыпавшаяся штукатурка, и снова наваливается густая, вязкая, давящая тишина подземелья. Только мое хриплое, прерывистое дыхание и биение крови в висках. И капли. Кап. Кап. Кап. Они продолжают свой мерный счет.

Обошлось. В этот раз пронесло.

Я перевожу дух, с силой выдыхая сквозь стиснутые зубы. Пальцы мелко дрожат, но я снова прижимаю темный грифель к помятой серой бумаге.

Надо писать дальше. Пока не стерся грифель. Пока есть хоть капля света от тлеющего огарка, который я берегу на самый крайний случай. Пока я еще способен держать этот проклятый огрызок и складывать буквы в слова. Потому что если я остановлюсь, если перестану водить рукой по листу — темнота навалится окончательно, заполнит голову, и я сойду с ума от одного только ожидания шагов за дверью.

Я пишу — следовательно, я еще жив.

Н Е Р А З Д У М Ы В А Я.

Глава 2 Супергерои

Наверное, в красивых американских комиксах они должны были носить обтягивающее синее трико, дурацкие красные трусы поверх штанов и развевающиеся плащи из синтетического шелка. Спасать котят с высоких тополей, благородно переводить слепых бабушек через восьмиполосные проспекты и белозубо улыбаться в объективы репортерских камер под восторженный визг толпы.

Ага.

Привет вам. Распишитесь в получении и отойдите за белую линию.

Никаких плащей не было. Были серые камуфлированные куртки без опознавательных знаков, тяжелые армейские берцы с тупыми носками и глухой, монотонный стрекот сервоприводов, от которого почему-то мгновенно закладывало уши и начинало сосать под ложечкой.

Но до этого момента надо было еще дожить. Точнее — дошагать утренними сонными ножками по мокрому серому асфальту, свято веря в то, что мир вокруг останется прежним, уютным и предсказуемым, по крайней мере до ближайших майских праздников.

Утро того дня началось как самое обычное, унылое, среднестатистическое утро человека, проклятого пятидневной рабочей неделей.

Запищал будильник на кнопочном телефоне. Мерзкая полифоническая мелодия — какая-то стандартная пищалка из прошивки старой «Нокии», от звуков которой хотелось не просто проснуться, а выть в потолок и биться головой о спинку кровати. Я нажал «отложить на пять минут». Потом еще на пять. Потом еще на десять, наивно полагая, что эти украденные у вечности жалкие минуты прибавят мне бодрости или хотя бы вернут человеческий облик.

Не вернули.

Встал. Шаркая босыми пятками по холодному линолеуму, доплелся до кухни. Поставил чайник со свистком. Вода из-под крана пахла ржавчиной и хлоркой, но кого это волновало? Наскоро залил кипятком гранулированный суррогат из коричневой банки, бросил две ложки сахара. Ложка звякнула о граненый край кружки с отколотой ручкой — наш привычный утренний колокольный звон.

Бутерброд с сыром, потерявшим всякую форму за три дня лежания в недрах однокамерного «Минска». Жевануул пару раз, запил горячей бурой жижей. Вкусно? Нет. Питательно? Сомнительно. Но биологический механизм требовал топлива, чтобы передвигать ноги в заданном направлении.

Натянул джинсы, слегка потертые на коленях, застиранную серую толстовку с капюшоном, куртку из кожзама, купленную на вещевом рынке у платформы три сезона назад. Натянул и побежал.

Потому что опаздывал. Опять.

Лестничная площадка встретила запахом жареного лука из сорок второй квартиры и вечным сквозняком из разбитого окна между третьим и четвертым этажами. На улице моросил мелкий, противный октябрьский дождь — та самая взвесь из воды и городской копоти, которая не льет как нормальный ливень, а просто медленно и методично облепляет лицо, одежду и очки, превращая мир в мутное расплывчатое пятно.

Остановка. Очередь на маршрутку.

О, это великое стояние на Угре районного масштаба. Люди стояли молча, втянув головы в плечи, с такими серыми, одинаковыми лицами, будто их всех штамповали на одном полузаброшенном заводе железобетонных изделий. Мокрые капюшоны, полиэтиленовые пакеты с ручками, в которых угадывались контейнеры с обедом, и всеобщая, густая, как кисель, ненависть ко всему живому.

Подкатила желтая «Газель». Дверь с грохотом отъехала в сторону, обдав толпу запахом несвежего бензина и сигаретного перегара.

Штурм.

Я каким-то чудом протиснулся внутрь, зажатый между монументальной бабкой с металлической тележкой на колесиках и небритым мужиком в засаленной кепке, который тяжело и ритмично дышал мне в затылок смесью чеснока и дешевого табака «Прима». Ноги промокли сразу. С крыши маршрутки прямо за воротник капал конденсат.

— Передайте за одного с пятидесяти рублей! — крикнул кто-то с задней площадки, ткнув мне пальцем в плечо.

Я взял мокрую скомканную бумажку, передал дальше по цепочке.

— Возьмите сдачу, там без пяти рублей! — прилетело обратно от водителя вместе с пригоршней липкой меди.

Я стоял, согнувшись в три погибели, упираясь макушкой в низкий потолок, держался одной рукой за скользкий поручень и думал: «Вот оно. Абсолютное торжество бытия. Венец эволюции. Ради этого я зубрил высшую математику, писал курсовые по микроэкономике и защищал диплом с синей корочкой. Чтобы каждое утро стоять раком в железной коробке на колесах и передавать чужую мелочь».

Самоирония — великая вещь. Она заменяет анальгетики и транквилизаторы, когда у тебя нет денег ни на то, ни на другое. Помогает улыбнуться собственной никчемности и не сойти с ума прямо там, между бабкой и чесночным мужиком.

Офис встретил привычным кликаньем и приглушенным гулом.

Наш родной опенспейс на четвертом этаже бывшего НИИ точного приборостроения. Длинные ряды столов из ДСП, разделенные пыльными войлочными перегородками серого цвета. Сотня человек, сидящих плечом к плечу, уткнувшись носами в мерцающие экраны пузатых мониторов. Воздух густой, тяжелый, прогретый дыханием десятков людей и теплом процессорных блоков, в которых лениво крутились забитые пылью вентиляторы.

Я отметился на проходной пластиковой картой с магнитной полосой — пик! — и поплелся к автомату с кофе в конце коридора.

Автомат был нашим местным божеством. Большой, гудящий металлический ящик с пластмассовыми кнопками. Опускаешь монету, выбираешь «Мокачино с двойным сахаром», и он с утробным урчанием выплевывает в тонкий пластиковый стаканчик обжигающую коричневую жижу. Она пахнет плавленым полистиролом и пережженными зернами, но на вкус — чистая амброзия, если тебе позарез нужно дожить до обеденного перерыва.

Возле автомата уже переминались с ноги на ногу двое наших сисадминов — Витек и Леха. Оба в растянутых свитерах с оленями, оба небритые и с красными, воспаленными от ночных сетевых баталий глазами.

— …да я тебе говорю, там в метро целая банда была, — увлеченно размахивал пластиковым стаканчиком Витек, расплескивая пену. — Они с калашами зашли на кольцевую. А тут — раз! И этот, из новых. Выскочил прямо из технического тоннеля. Рукой бронедверь вынес, как фанеру! Одному ствол пополам согнул, второго просто в стену впечатал. На ютубе видос лежит, уже полмиллиона просмотров набрал за ночь!

— Да фейк стопудово, — лениво отозвался Леха, ковыряя пальцем застрявшую в щели монету. — Монтаж и графика. Вирусная реклама какого-нибудь нового блокбастера. Сейчас все так делают. Снимут на мобилу в триста двадцать на двести сорок, зальют в сеть, а потом оказывается, что это промо-кампания энергетика.

— Какой фейк, дурак! — обиделся Витек. — Там же реальные менты в оцеплении стояли. Комментарии на форумах почитай. Пишут, это специальный отряд экспериментальный. С механическими имплантами. Типа киборги на службе государства. Нанотехнологии, Сколково, все дела. Вот это я понимаю — порядок наводят! Никаких соплей, никаких судов. Пой-

мали ублюдка — хрясь пополам, и дело с концом. Нам давно такие нужны были, а то на улицу вечером выйти страшно.

Я молча забрал свой стаканчик с кофе. Обжег язык.

Тогда мне было все равно.

Абсолютно, кристально, стерильно все равно.

У меня горел отчет по дебиторской задолженности за третий квартал. Сводные таблицы в Экселе, двадцать четыре вкладки, триста шестьдесят формул, половина из которых выдавала ошибку #ССЫЛКА!, потому что какая-то идиотка из филиала в Самаре переименовала столбцы в исходнике. Кому какое дело до каких-то там киборгов, секретных программ и загнутых стволов в далеком метро?

Это было где-то там. В телевизоре. В новостных лентах. В интернете. На экранах, которые можно просто закрыть крестиком в правом верхнем углу и пойти пить чай с сушками. Картинки из другой, параллельной вселенной, где накачанные нанороботами супергерои спасают мир от абстрактных террористов.

А у меня — квартальный баланс. Если баланс не сойдется к семнадцати ноль-ноль, начальник отдела Семен Маркович лишит меня квартальной премии. А премия — это оплата съемной однокомнатной конуры на окраине и возможность купить зимние ботинки взамен тех, у которых в прошлый четверг окончательно отвалилась подошва.

Поэтому я сел за свой стол, надел наушники, включил тихий гитарный перебор и утонул в бесконечных столбцах цифр. Дебет, кредит, сальдо, входящий остаток. Циферки бежали перед глазами, сливаясь в успокаивающий серый узор. Мир вокруг послушно сжался до размеров семнадцатидюймового монитора.

В семнадцать сорок пять я выключил компьютер.

Баланс сошелся. С погрешностью в сорок два рубля и шестьдесят копеек, которые я просто тупо раскидал по мелким накладным расходам на канцелярию. Семен Маркович подписал ведомость не глядя, даже не оторвав взгляда от пасьянса «Косынка».

Я чувствовал себя победителем. Жизнь удалась. Впереди был вечер, пачка замороженных пельменей «Останкинские», полторашка светлого пива и новая серия фантастического сериала, скачанная с торрентов через локальную сеть провайдера.

Я натянул куртку, намотал шарф повыше на подбородок, спустился на лифте и толкнул тяжелую стеклянную вертушку на выходе из бизнес-центра.

И замер.

Дождь кончился. Вместо него на город опустился сырой, липкий туман, сквозь который фонари светили тусклыми, желтушными кругами. Но дело было не в тумане.

Улица перед зданием была перекрыта.

Не обычными бело-красными ленточками, которыми менты огораживают упавшую с крыши сосульку, а тяжелыми переносными барьерами из стальных труб. Поперек проезжей части стояли два глухих армейских грузовика без номеров — квадратные, угловатые, выкрашенные в матовую мышино-серую краску. На бортах не было привычных надписей «ОМОН» или «МИЛИЦИЯ». Только странная трафаретная эмблема: правильный треугольник, вписанный в шестеренку.

И люди в форме.

Много людей. Они стояли вдоль цепочки барьеров через каждые два метра. Серая плотная ткань комбинезонов, черные разгрузочные жилеты, шлемы с опущенными затемненными забралами, за которыми невозможно было разглядеть лица. В руках — короткие вороненые автоматы непривычной, слишком гладкой формы.

Они не орали в мегафоны. Не махали дубинками. Они просто стояли плотной живой стеной, отрезая выход к метро, и методично, как на заводском конвейере, организовывали людей в одну длинную, медленно ползущую очередь.

— Что за фигня? — пробормотал сзади кто-то из менеджеров нашего этажа. — Опять учения какие-то? Домой не уедешь теперь…

Очередь двигалась медленно. Люди переминались с ноги на ногу в сырой слякоти, нервно хихикали, шутили, доставали сигареты, щелкали зажигалками. Кто-то пытался возмущаться: мол, нарушаются конституционные права, я опаздываю на поезд, покажите предписание прокуратуры. Серые фигуры в шлемах не отвечали. Вообще. Они просто молча перегораживали дорогу стволами, указывая направление движения.

А потом я увидел Е Г О.

Он стоял на гранитном парапете у самого выхода с контрольно-пропускного пункта. Чуть в стороне от серых солдат, но было абсолютно очевидно, что именно он здесь главный.

Он был огромным. Не просто качком из тренажерного зала, перебравшим протеина, а неестественно, гротескно высоким — под два метра двадцать, с непропорционально широкими плечами и длинным торсом. На нем была плотная черная куртка без рукавов, надетая прямо на голое тело, несмотря на промозглый октябрьский холод.

И его правая рука.

Это не был протез в привычном понимании — не деревяшка и не неуклюжая резиновая культяпка с крюком. Это была сложнейшая механическая конструкция из матового титана, хромированных шарниров и пучков гибких черных кабелей, уходящих прямо под кожу в районе ключицы и лопатки. Металл тускло поблескивал в свете фонарей. Пальцы — длинные, суставчатые, заканчивающиеся тонкими полированными пластинами — плавно, с едва слышным шелестом сжимались и разжимались сами по себе, повинуясь какому-то внутреннему ритму.

Но страшнее всего было лицо.

Левая половина — обычная, человеческая. Бледная, небритая кожа, тонкие потрескавшиеся губы, усталый, воспаленный карий глаз с мешком под веком. Человек как человек. Может, чей-то сосед по даче.

А правая сторона… Правой стороны лица не было.

Вместо нее в череп был намертво вживлен полированный металлический каркас, повторяющий контуры скулы и виска. И глаз. Оптический блок из трех крошечных сапфировых линз, расположенных треугольником. Они непрерывно вращались, подстраивая фокус с противным, тонким, комариным жужжанием: вжжж-тык… вжжж-тык…

По коже пробежал тот самый морозец. Липкий, холодный, пакостный.

Беее.

Я стоял в очереди, зажатый чужими спинами, и не мог оторвать взгляда от этого оптического глаза. В интернете они казались крутыми. Понимаете? Когда ты сидишь на мягком диване, попиваешь лимонад и смотришь тридцатисекундный ролик, где чувак с железной рукой раскидывает плохих парней, твой мозг радостно ставит лайк. Вау! Киберпанк наступил! Будущее уже здесь! Мы победили преступность! Супергерои среди нас!

А когда это «будущее» стоит в трех метрах от тебя, воняет машинным маслом, озоном и сырым мясом, а его искусственный зрачок бешено вращается, сканируя толпу, тебе хочется только одного: провалиться сквозь асфальт прямо в канализационный коллектор.

Очередь медленно подползала к пункту проверки.

Впереди меня стоял мужик лет сорока пяти. В добротной кожаной дубленке, с кожаным портфелем, судя по виду — какой-нибудь мелкий начальник из юридической конторы с шестого этажа. Он явно нервничал, перекладывал портфель из руки в руку, вытирал платком вспотевшую шею.

— Паспорт, — сухо бросил серый боец у турникета, даже не поднимая глаз.

Мужик достал бордовую книжицу с двуглавым орлом, протянул бойцу. Тот приложил ее к какому-то переносному сканеру, похожему на толстый терминал оплаты. Прибор противно пискнул два раза. Загорелся красный светодиод.

— Пройдите в накопитель для дополнительной идентификации, — монотонно произнес боец, указывая стволом на глухой фургон грузовика.

— В какой еще накопитель?! — вскинулся мужик. Голос его сорвался на визг. — Вы с ума сошли? У меня регистрация московская, прописка, вот печать! Я замдиректора аудиторской фирмы! На каком основании вы меня задерживаете? Покажите протокол! Я сейчас своему адвокату позвоню, вы у меня погоны снимете к чертовой матери!

Он сделал резкое, глупое движение — попытался выдернуть свой паспорт из рук бойца и одновременно полез во внутренний карман дубленки за мобильником.

И в этот момент Мех сделал шаг.

Он не побежал. Он не замахнулся. Он просто сместился в пространстве со скоростью, которую человеческий глаз не способен адекватно воспринять. Только что он стоял на парапете в пяти шагах — и вот он уже здесь, вплотную. По воздуху хлестнуло волной сжатого воздуха и едким запахом перегретой смазки.

Металлическая рука метнулась вперед.

Короткое, идеально выверенное движение. Суставчатые титановые пальцы замкнулись на правом предплечье юриста.

Никаких криков «Стоять, стрелять буду!». Никаких предупреждений.

Просто — резкий доворот кисти на девяносто градусов.

Х Р У С Т Ь.Т Ы К. Звук был ужасающе громким в наступившей тишине. Словно под тяжелым сапогом раздавили связку сухого хвороста, завернутую в мокрое полотенце. Лучевая и локтевая кости вышли наружу сквозь разорванный рукав дубленки, брызнув на серый асфальт темными, тяжелыми каплями.

Тык. Закапала кровушка. Только не в стеклянную палочку в чистом кабинете, а прямо в грязную октябрьскую слякоть под ногами.

Мужик даже не сразу понял, что произошло. Секунду он смотрел на свою неестественно вывернутую руку, из которой торчали белые осколки, с каким-то глупым, детским недоумением. А потом набрал в легкие воздуха и закричал.

Это был не крик — это был тонкий, захлебывающийся бабий визг, полный первобытного, нечеловеческого ужаса. Он рухнул на колени прямо в жижу, прижимая культю к животу, извиваясь и размазывая сопли по щекам.

Мех даже не посмотрел на него.

Его оптический блок издал короткое вжжж-тык, наводя резкость на оцепеневшую очередь. Лицо из плоти и металла оставалось абсолютно неподвижным. Ни ярости, ни садизма, ни раздражения. Полный, абсолютный ноль эмоций. Так слесарь на заводе отбраковывает дефектную деталь, срезая заусенец напильником.

— Следующий, — произнес Мех.

Голос у него был странный. Двойной. Живой человеческий хрип, на который с миллисекундной задержкой накладывался синтетический, металлический скрежет встроенного динамика.

Очередь шарахнулась назад, как стадо овец перед волком.

А у меня в голове словно лопнула тонкая струна. Все мысли, все дурацкие воспоминания о дебете с кредитом, о премиях, о некупленных ботинках — все вымело начисто. Остался только один слепой, животный рефлекс, доставшийся нам от далеких волосатых предков, прятавшихся по пещерам от саблезубых тигров: БЕЖАТЬ. ИСПАРИТЬСЯ. ИСЧЕЗНУТЬ.

Я не стал дожидаться своей очереди. Я не стал проверять, совпадут ли колоночки в моем паспорте с их терминалом.

Я резко присел, протиснулся под локтем какого-то остолбеневшего мужика и метнулся в узкий проем между стеной здания и пожарной лестницей.

Там, в темном тупике заднего двора, стоял огромный, покосившийся зеленый бак с мусором.

Я рухнул за него на четвереньки прямо в жидкую грязь. Забился в щель между ржавым металлическим бортом и сырой кирпичной кладкой, подтянул колени к подбородку, натянул капюшон до самых бровей и зажал рот обеими ладонями.

От бака несло гнилой капустой, протухшей рыбой, кошачьей мочой и сырыми картонными коробками. Мои джинсы мгновенно промокли насквозь в ледяной жиже, но я не чувствовал холода. Я вообще ничего не чувствовал, кроме безумного, панического стука собственного сердца: ТУК-ТУК-ТУК-ТУК.

Оно колотилось так громко, что металлический борт бака, казалось, вибрировал в такт.

«Только не дыши, господи, только не дыши, не сопи, не двигайся, сдохни, притворись куском мусора, старой коробкой, сгнившим бананом, кем угодно, только не живым человеком…»

За углом продолжались крики. Слышался топот тяжелых берцев, глухие удары прикладов о человеческие тела, визг тормозов и монотонный, механический гул двигателей.

Я сидел за баком с мусором, скрючившись в три погибели, сжимая зубы так, что они крошились, и у меня мелко, непрерывно тряслись руки. Крупной, противной дрожью, которую невозможно было остановить.

Супергерои. Ага. Защитники человечества.

Мы ставили им плюсики на форумах. Мы писали восторженные комментарии в Живом Журнале: «Так их! Наведите порядок железной рукой!». Мы верили красивым отчетам в новостях.

Вот она — эта железная рука. В трех метрах от меня. Ломает кости со звуком лопнувшей сухой ветки.

Я просидел за этим чертовым баком целую вечность. Может, час. Может, два. Пока крики на улице не стихли, пока не заглохли моторы грузовиков и тяжелые шаги не удалились в сторону проспекта.

Только когда вокруг воцарилась глухая, мертвая тишина, нарушаемая лишь шумом редких капель дождя о жесть, я рискнул пошевелиться. Выполз на карачках из жижи, огляделся безумными глазами и, прижимаясь к стенам домов, дворами, помойками, темными неосвещенными переулками рванул в сторону дома.

Дома я захлопнул железную дверь и провернул все три замка. Нижний сувальдный — на четыре оборота. Верхний английский — на два. Задвинул тяжелую ночную задвижку и накинул цепочку.

Спиной привалился к двери, сполз на пол прихожей и сидел в темноте, не снимая мокрой, пахнущей помойкой куртки.

В квартире было тихо. Мерно капала вода из крана на кухне: кап… кап… кап… Тикали пластмассовые настенные часы в виде китайского чайника.

Я поднялся, на негнущихся, деревянных ногах прошел в комнату. Не включая верхний свет, на ощупь нашел пульт на журнальном столике и ткнул пальцем в красную кнопку.

Старый телевизор «Самсунг» с выпуклым кинескопом щелкнул реле, загудел трансформатором и неохотно плюнул в темноту комнаты мутным голубоватым светом.

Первый канал.

На экране сидел гладко выбритый диктор в безупречно сидевшем темно-синем костюме с шелковым галстуком. Лицо — спокойное, уверенное, источающее несокрушимую государственную надежность.

— …в рамках реализации программы всеобщей стабилизации и противодействия террористической угрозе, — ровным, бархатным голосом вещал диктор, глядя прямо мне в глаза, — верховным координационным советом принято решение о введении специального протокола безопасности на территории всех крупных промышленных центров. Подразделения аугментированного правопорядка приступили к патрулированию ключевых транспортных узлов. Просим граждан сохранять спокойствие, оказывать всестороннее содействие сотрудникам специальных служб и неукоснительно соблюдать правила комендантского часа. Новый Порядок — это гарантия нашей общей безопасности и уверенности в завтрашнем дне…

Я нажал кнопку на пульте.

Второй канал.

Тот же диктор? Нет, другой. Женщина с безупречной укладкой и золотыми сережками.

— …Новый Порядок открывает перед нашим обществом невиданные доселе горизонты эволюционного развития. Ведущие социологи и теологи сходятся во мнении, что интеграция передовых биотехнологий в структуру государственного управления позволит искоренить преступность как явление…

Третий канал.

Канал «Культура».

Какой-то бородатый профессор в очках с толстыми линзами сидел в кресле и увлеченно разглагольствовал на фоне стеллажей со старинными книгами: — …если мы обратимся к философскому наследию начала девятнадцатого века, в частности к фундаментальным трудам Андрея Чернова, мы увидим поразительную прозорливость мыслителя. Человек обязан стремиться к преодолению своей биологической ограниченности. Отказ от архаичных гуманистических догм в пользу технологического подобия Создателю — это не насилие, это величайший акт исторической справедливости…

Я щелкал кнопками как безумный.

Четвертый. Пятый. Десятый. Музыкальный канал, спортивный, дециметровый канал с дешевыми сериалами про ментов.

Везде.

На всех частотах было одно и то же. Словно кто-то взял одну гигантскую видеокассету с надписью «НОВЫЙ ПОРЯДОК» и воткнул ее во все передатчики страны одновременно. Спокойные, сытые, уверенные лица. Ни слова про сломанные кости. Ни слова про кровь на асфальте. Ни слова про грузовики-накопители.

Все правильно. Все по плану. Так надо. Человек обязан.

Я выключил телевизор.

Экран с тихим писком погас, оставив на сетчатке мерцающую зеленую точку.

Я сидел в темноте на краешке продавленного дивана и смотрел в голую стену.

Что делать?

Куда бежать?

Кому звонить? В милицию? Смешно. В прокуратуру? Еще смешнее. В газету написать? На форум пожаловаться? «Привет, форумчане, сегодня на моих глазах киборг сломал руку человеку за неправильный взгляд, оцените фотку»?

Ответов не было. В голове стояла гулкая, ледяная пустота.

Я вспомнил тот дурацкий сайт Чернова, про который думал в ванне несколько недель назад. Ту пафосную фразу про образ и подобие. Тогда это казалось бредом сумасшедшего, прикольной сказочкой для любителей теорий заговора.

Теперь сказочка пришла за нами. Надела тяжелые берцы, взяла автомат и встала на выходе из метро.

И самое страшное было не в том, что они были сильными. А в том, что мы — все эти миллионы умных, образованных, ироничных пользователей интернета с высшим образованием и планами на отпуск — оказались абсолютно, тотально беспомощны. Мы умели только ставить плюсики, пересылать ссылки и передавать за проезд в маршрутке.

А против ломающего кости титана у нас не было ничего. Вообще ничего.

Этой ночью я так и не уснул.

Лежал на раскладном диване, не раздеваясь, прямо в грязных джинсах, натянув одеяло до подбородка, и неотрывно смотрел в потолок, где дрожали тени от редких фар проезжающих машин.

В тишине ночной квартиры каждый звук казался оглушительным.

Гулко щелкал реле старый холодильник на кухне. Мерно, с издевательской четкостью тикали настенные часы: тик-так, тик-так, отмеряя секунды нашей прошлой, навсегда потерянной жизни. За стеной глухо кашлял сосед — дядя Толя, сантехник. Скрипели деревянные перекрытия старого дома.

В голове крутился один и тот же хоровод безумных, панических мыслей.

А что, если они придут сюда? Прямо сейчас? Поднимутся по лестнице на четвертый этаж, выбьют фанерную дверь одним ударом хромированного ботинка и скажут своим двойным синтетическим голосом: «Пройдите в накопитель»?

Я достал из кармана телефон. Нажал кнопку. Маленький монохромный экранчик загорелся ядовито-синим светом.

Хотелось услышать хоть чей-то живой голос. Позвонить Антохе, с которым мы еще в прошлую пятницу пили пиво в баре и спорили о новой операционной системе.

Набрал номер. Прижал трубку к уху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.